





## ЗАКОН НЕПОКОЯ



Се дал я вам на чело и щиты знак крови моей.  
Дабы вы своей не щадили, защищая законы, что  
делают вас людьми.

*Кредо Ессы*



# 1

**В**о тьме возник огонек, красный, как дотлевающая головешка. Рядом — второй, третий... десятый. Загорались они под деревьями, всюду, где царил мрак. Нынче на небе не было серебристого, ласкающего глаз Княжича. Вместо него вышел жестокий Халь. Узкий красный серп со сходящимися рогами висел среди рассыпанного порошка звезд словно недоделанный, бесформенный перстень; дурное божье око, глядящее на укрытую во тьме землю. Близилась Пустая Ночь. Время злых призраков и крови.

Лес ожил. Уродливые тени сгущались под вековыми елями и смереками, собирались, сжимались вокруг лагеря, освещенного несколькими костерками. Фигуры на четырех ногах, с копытами, из тел вырастали огромные головы с раскидистыми рогами, отростками и почти человеческими руками.

После пронзительного свиста пищалки — рванули. С коротким топотом копыт они вырвались из-под деревьев на поляну, со всех сторон, живым, сжимающимся кругом смерти.

Даже их крики были приглушенными. Нападавшие прокатились по спящим у костров людям как волна,





топча их копытами. Вколачивали несчастных, укрытых плащами и шкурами, в землю, крушили головы, спины и руки. Вопли! В растущую кипень схватки, в горловые команды атакующих ворвался испуганный писк детей, плач женщин. Никто не защищался, не тянулся за копьем, топором. Напавшие секли убежавших окровавленными клинками, валили мохнатыми коньками. Не знали пощады, никто не учил их милосердию. В боевом вихре, во вспышках огня мелькали их огромные фигуры. Животный хрип, горловой вскрик. Посвист и блеск стали, тела валяются на землю, в огонь, сталкиваются и спотыкаются в попытке бегства!

Грот вскочил при первых звуках резни. Он и так почти не спал, просто переживал холодную весеннюю ночь. Жался у огня, укрытый тонким серым плащом, пытаюсь найти под ним хоть немного тепла. Едва только оказался на ногах, его толкнули — и он снова упал на землю, замер на миг, раскинув руки, обжег левую ладонь на углях, закричал и перевалился на бок. Кто-то незнакомый упал рядом, хрипя и давясь кровью, иннок едва сумел вскочить снова, и его тут же сжала и сдавила толпа убегающих. Грот спотыкался на камнях, падал на колени, чувствуя вонь крови и железа, глеющих шкур.

— Хунгуры! — рвалось из сотен глоток. — Хунгу-у-уры! Спаси-и-ите!

Грот вместе с толпой убежал в лес, лишь бы подальше от тропок, но нападавшие не позволили людям разбежаться. Оттесняя их к костру, рубя тех, кто был вооружен — или просто казался опасным, — начали загонять испуганных женщин, стариков и детей в кучу, словно стадо овец. Демоны спрятали окровавленные клинки,





взялись за плети. Длинные наборные нагайки со свистом секли лбы и затылки убегающих. Сила их была невообразима: каждый посвист кончался коротким глухим стуком, жутким воплем боли! Ремни резали кожу, ломали пальцы, рассекали головы. Грот получил по руке; удар был настолько силен, что инок полетел на землю, сбив с ног седовласую женщину. В хаосе сумел сохранить остатки вежества — протянул ей руку, но хунгуры не дали на это времени. Он услышал стук копыт, жуткий посвист, щелчок кнута: удар был как поцелуй змеи; его бросило на камни, он почувствовал кровь, текущую по руке, сама же рука бессильно обвисла. Под кнутом хунгуров с него слетели остатки гордости и достоинства.

Хунгуры согнали людей назад в лагерь — под огромные вековые ели, в сколоченную из жердей ограду для скота. Затолкали толпу туда, напирая волосатыми конскими грудями, стегая батогами налево и направо. Женщины всхлипывали, кто-то кричал. Дети плакали. Раненые стонали, выли дикими голосами.

Гортанный говор. «Эк-кей! Удун — боорте кисмак!» Слова как из языческой страны мертвых, Навии. Хриплые, жесткие, даже бес так не говорит. В ответ от людей неслись вздохи, слова молитв. «О, Есса, спаси нас! Из лесной глуши взываем к тебе, Праотец! Гром, помилуй нас!» — хрипел кто-то вперемешку имена нового и старого, языческого божества.

Грот стоял, стиснутый в окровавленной, смердящей грязи и страхом толпе. Должен был бы взять себя в руки, ведь он — инок, садовник божий, слуга Праотца. Он должен молиться, поддерживать души ближних. Но





ужас перехватывал горло. Кто-то втыкал ему локоть в бок, ноги в селянских башмаках топтались по пальцам. Избитый, дрожащий, он не кричал, не дергался. Наблюдал.

Черные уродливые фигуры кружили у ограды. Еще больше их ходило по лагерю. Подбрасывали дрова в растоптанные костры, раздували жар; как видно, в темноте они видели так же слабо, как и люди.

Все это заняло какое-то время. Настолько долгое, что горящий на небе Халь начал бледнеть. Злой отсвет его размывался, убегая от зари. Далеко на востоке, за рваной линией Круга Гор, появлялась уже узкая полоса света. Над горными потоками и над мокрыми равнинами вставали туманы.

Рассвет открыл истинное лицо нападавших. Сперва Грот увидел, что у них нет никаких копыт. Что они просто сидят на низких, плотных мохнатых лошадках, воняющих хуже куч навоза. Кто-то уже слез с седла, представ во всей красе. Рослые, но отнюдь не великаны, сторбленные, со смуглыми лицами и вытянутыми черепами, они едва походили на людей. Непохожими на человеческие были даже их странные, раскосые, будто оттянутые в стороны глаза. Некоторые лица, измазанные белым, напоминали рожи могильных упырей. Речь хунгуров звучала чуждо и зловеще. На головах они носили странные кожаные шлемы с тремя свисающими по бокам кусками кожи, иной раз покрытыми мехом — или огромные малахаи, украшенные раскидистыми рогами. Тела их защищала броня из золоченых пластин или кусочков кожи, связанных ремешками, иногда — просто шубы или кафтаны. Странные, простеганные





толстой дратвой, с квадратными вышитыми узорами. В руках — кривые мечи, секиры и кнуты: длинные, волочащиеся по земле. Грот уже знал, что один удар таким может свалить с ног взрослого воина. Если же били со свистом, то резали кожу, словно хорошо наточенный нож.

Инок услышал крики, вопли, толпа заволновалась, он же перевел взгляд на лагерь. Хунгуры пригнали туда группку женщин, разделили ее под смех и щелканье кнутами между несколькими воинами. А потом — стали срывать с женщин юбки и рубахи. Кто-то рядом кричал, причитая: «Славна! Славна-а-а!» Другой бросился на помощь, надел, безоружный, как бык на ближайшего хунгура, опрокинул, вколотил коленом в каменистую горную землю.

Бац! — проговорил кнут.

Серо-бурые всадники прыгнули к мужчине, словно волки.

Свист клинка, окровавленная голова, удары и пинки по телу, которое все больше напоминало вываленный в грязи, забрызганный кровью мешок. Высокие кожаные сапоги с загнутыми носками наступали на пальцы, что тянулись к лагерю в поисках последней защиты от захлестнувшей человека боли.

Плач и стон женщины, которую лишили одежды и достоинства. Ее придавил высокий чернявый бес с усами, похожими на две свисающие по сторонам рта промасленные веревки. И все на глазах ее мужа. Яростный вой мужчины, прущего на клинки, хрипящая речь хунгуров, приставивших ему клинки к груди. Смех их ранил сильнее, чем удары батогами.







Грот стоял, обмерши. Знал, что должен сопротивляться насилию, взывать к разуму. Выйти со словом Ессы, словно со щитом. Но сил не было: безоружный, с голыми руками, напуганный, он мог только смотреть на то, что происходило в лагере. И знал, что хунгуры его не послушают.

Вопль насилуемых женок рвал слух. Плач сверлил душу. Сгрудившиеся в загоне беглецы кричали, проклинали хунгуров, грозили им кулаками. Кто-то пытался сбежать. Его догнала стрела. У каждого из нападавших был лук — черный, узкий, странно изогнутый, оклеенный чем-то, похожим на кусочки рога. На боку или при седле — колчан, полный стрел с гранеными наконечниками, убивавшими быстро и умело.

Над лагерем рос шум. Несколько всадников в кожаных доспехах разделявали волов, ловко перерезав им глотку, так что кровь скотины смешивалась с человеческой. Снимали с туш пластами шкуру, бросали на угли шматы парного мяса.

И тогда остальные, которым, как видно, наскучило насилие, дали минутку передыха всхлипывающим девкам и женам, собрались у ограды. Двое откинули балки, закрывавшие вход, остальные — четверо — разделились на две группы, справа и слева. Посередине остановился высокий мужчина с беленым лицом, с заплетенными в косицы усами, на кауром коне с густой гривой, толстым хвостом и благородной мордой.

Двое из стоящих обернулись к пленникам, и вдруг с них словно свалились маски: они рассмеялись гортанно, весело, по-человечески.





— Хе! Хе скори тудунум! — крикнул первый. — Ат-ве уштулук! Не афрамор хунгура!

Похлопал себя по щекам, по животу, маша рукой, описывая той круги, подзывая их, напуганных. Остальные смеялись еще громче.

Никто и с места не двинулся, потому что, сказать по правде, собравшихся в ограде буквально раздавил этот искренний, легкий смех нападавших. Наконец первый — в кафтане, обшитом мехом, толстый телом и лицом — подскочил к группке, выдернул из нее за руку рослого мужика в меховой шапке, в измазанной грязью, порванной рубахе и ноговицах. По-дружески похлопал его по спине, подтолкнул к тому, что высился в седле, — наверняка старшему или командиру.

Мужик был бледен, напуган. Неуверенным движением стянул шапку; тогда хунгур бесцеремонно ощупал его плечи, живот, руки. Причмокнул, улыбнулся.

— Ук якше кол! Ук! Ук!

Снова вспышка, целая череда смешков. Тот, с раскрашенной мордой, прикрыл глаза, указал едва заметным кивком, легким движением руки, в которой держал нагайку, вправо.

Его люди поволокли мужика в лагерь, там выкрутили ему руки назад, связали их за спиной, толкнули к остальным своим соратникам. Веселый круглолицый хунгур шел к следующему. Этот был изможденным и горбатым. Седой, босой, он опирался на палицу. Кочевник сбил с его головы капюшон, ощупал мышцы, покачал головой, рассмеялся, и его снова поддержали остальные.

На этот раз белый дал знак: «влево». Кругломордый шутействовал — водил пальцем по горлу, выкатывал





глаза. Смех несся в небеса, вис над поляной, сбивал пленников с толку.

Хунгур толкнул калеку к двум своим товарищам. Тот сжался, оглянулся, закричал. Боялся обмана.

«Спокойно, все идет как нужно!» — говорил, казалось, смех хунгура, он даже похлопал пленника по спине, легонько подтолкнул. Словно в ответ, двое его подручных протянули руки к мужчине. Поприветствовать?

Грот почувствовал, как у него холодеет сердце.

Калека сделал первый раскачивающийся неуверенный шаг. Потом второй, третий...

Скрежет железа, свист клинка!

Один удар. Из обрубка шеи, из пустого места от снятой головы забил фонтан крови, потом умалился, исчез, обрызгав камни и раннюю травку, выроставшую из-под них. Сбившаяся в загоне толпа заорала дурным голосом. Тем временем один из кочевников наклонился, поднял голову, стряхнул капли крови, запаковал в кожаный мешок.

Зачем?

Хунгуры подбежали к воротам в загон, вытаскивали уже следующую жертву.

Молодую женщину с ребенком — золотоволосой девочкой, что жалась к груди матери.

Толстяк причмокнул удивленно, пока тянул ее к старшему. Несчастливая не защищалась, не рвалась, шла как коза под нож мясника, прижимая трясущимися руками дочку к груди.

Белое лицо хунгура было неподвижным. Никаких чувств. Кивок вправо и... влево.





Грот прочел приговор без слов. Мать в лагерь. Ребенок... не выживет.

Толстый хунгур дернул девочку, но не сумел вырвать ребенка из рук матери. Рвал, сопел, на помощь подскочили остальные. Сперва толкались вокруг матери, желая выхватить у той девочку. Потом стали широко махать нагайками.

Женщина кричала, всхлипывала, но держала ребенка окровавленными руками, прижимая дитя к груди словно железными объятиями. Отчаянно, все сильнее, судорожно, до безумия!

Вдруг малышку у нее выхватили. Плач девочки рвал душу.

И тогда Грот выступил вперед. Вырвал из-под плаща спрятанный Знак Святого Копья, поднял над головой. Пошел. Ближайший из хунгуров вскинул голову.

— Устуди, гараун! Устуди! Не тудунум! Неее!

Замахнулся нагайкой. Та свистнула словно змея, развернувшись с шипением.

— Во имя Ессы, оставьте ее! — воскликнул Грот. — Оставьте ребенка, он ничего вам не сделал! Ступайте в бездны морские, в огонь и жар, который выжжет из вас зло и грехи!

Удар пал на него, кнут окрутился вокруг руки, взрезав правое плечо и спину резкой полосой боли. Грот пал на колени, застонал, но продолжал держать Знак, вытянув его в сторону хунгура как баклер, как щит, знак судьбы.

Второй удар пал сзади. На этот раз иннок свалился на бок, корчась от боли, но молча. Увидел воздетые клинки, топоры и кривые мечи, раскрасневшиеся разъяренные лица...

